

МОРИЦ ШЛИК

Вопросы этики¹

Предисловие

Этика обычно рассматривается как часть философии. Но согласно предлагаемой здесь точке зрения философия является не наукой, т.е. не системой высказываний, а прояснением содержания научных (да и всех прочих) суждений, т.е. ее задача состоит в том, чтобы обнаруживать или обосновывать их собственный смысл. Однако окончательное определение смысла предложений не может осуществляться при помощи других высказываний и, следовательно, не может образовывать науку, поскольку нам бы приходилось все время заново спрашивать о смысле объясняющих высказываний и, таким образом, мы были бы обречены на регресс в бесконечность. Каждое определение значения (называемое «дефиницией») должно, в конечном счете, привести через ряд подчиненных дефиниций к непосредственному раскрытию подразумеваемого, что возможно лишь через реальный поступок, через физическое или духовное *действие*. Таким образом, установление однозначного смысла всегда достигается посредством *деятельности*, которая и составляет сущность философии. Не существует философских предложений, а есть лишь философские акты.

Но деятельность нельзя запереть на страницах книги — как же тогда вообще возможна философская книга? Что вообще может содержать сочинение об этике? Если бы этика и правда была философией, тогда бы она состояла только из тех актов, посредством которых раскрывается и разъясняется смысл морального суждения.

К этому следует добавить две вещи.

¹ *Schlick Moritz. Fragen der Ethik / Schriften zur wissenschaftlichen Weltauffassung. Hrsg. von Philipp Frank und Moritz Schlick. Bd. 4. Wien: Verlag von Julius Springer. 1930. S. III–IV, 1–24. Пер. с нем. Марии Вырской. Редактура — В. Куренной.*

Во-первых: поскольку это сочинение является «философским» (а оно, действительно, претендует на это), его предложения имеют значение не истинных высказываний, сообщающих об определенных фактах или законах, но побуждают читателя к реализации таких духовных актов, благодаря которым определенные высказывания обретают свой ясный смысл. (Кто верит в величие и силу философии, не может оспорить, что такие побуждения могут быть гораздо важнее, чем какие-либо правильные суждения). Это те самые высказывания, с которыми вы встречаетесь каждый день (например, «это благонамеренный человек», «тот мужчина взял полную ответственность за свой поступок»). Они не формулируются в этой работе, а составляют предмет ее рассмотрения.

Во-вторых, эта книга все же претендует на то, что ряд содержащихся в ней предложений являются подлинными высказываниями. На нижеследующих страницах я, таким образом, надеюсь сообщить читателю некоторые истины, которые, на мой взгляд, являются далеко немаловажными. Если я не заблуждаюсь, то работу можно назвать научной, поскольку из вышесказанного следует, что истинные суждения должны быть включены в систему, в науку. Так как эти суждения касаются поведения людей, то та научная область, к которой они относятся, является областью *психологии*.

С помощью ответов, которые дает эта работа на основные этические вопросы, а также посредством рассуждений, ведущих к этим ответам, я надеюсь внести определенный вклад, во-первых, в философскую деятельность, а во-вторых, в психологическое познание. Этот вклад побуждает двигаться в направлении, которое совершенно отлично от того, что господствует в современной немецкой морально-философской литературе. Тем более необходимым он мне представляется.

Вена, сентябрь 1930. Мориц Шлик

I. К чему стремится этика?

1. Этика ищет только познания

Если существуют этические вопросы, которые имеют смысл и на которые возможно ответить, то этика является наукой. Потому что правильные ответы на ее вопросы смогут образовать систему истинных высказываний, а система истинных высказываний о каком-либо предмете как раз и называется «наукой» об определенном предмете. Наука дает только *познание* и ничего другого, ее целью является одна только истина, а это значит, что каждая наука как таковая является чисто теоретической. Так и вопросы этики — чисто теоретические проблемы, и как исследователи этики мы стремимся исключительно к на-

хождению их правильных решений. Практическое применение этой науки, если оно возможно, оказывается уже за рамками этики. Когда кто-то изучает эти вопросы, чтобы результаты такого изучения находили применение в жизни и деятельности, то хотя его *занятия* этикой имеют практическую цель, сама этика не имеет иной цели, кроме истины.

Пока исследователь этики занят своими теоретическими вопросами, он должен забыть, что кроме чисто познавательного интереса предмет его изучения имеет еще и чисто человеческий интерес. Потому что для него нет большей опасности, чем превратиться из этика в моралиста, из исследователя — в проповедника. Пока мыслитель философствует, ему надлежит питать страсть лишь к истине, иначе его мысли могут быть спутаны его чувствами; его желания, надежды, опасения грозят навредить той объективности, которая является первой предпосылкой любого честного вопрошания. Конечно, исследователь и пророк могут быть одним и тем же человеком; однако нельзя в одно и то же время служить обеим целям, поскольку тот, кто смешивает две эти задачи, не решит ни одной.

О необходимости этих замечаний говорит обращение к этическим системам любой эпохи: едва ли среди них есть хотя бы одна, в которой мы не обнаружим призыва то к чувству, то к морали читателя, лишенного всякого научного обоснования.

Но я указываю на чисто теоретический характер этики не только для того, чтобы с самого начала предостеречь своего читателя и самого себя. Целесообразно настаивать на этом пункте, чтобы ясно очертить ту задачу, которую стремится и может решить этика.

2. Предмет этики

К какому предмету, к какой сфере относятся вопросы этики? У этого предмета множество имен, и мы пользуемся ими в повседневной жизни так часто, что можно подумать, будто мы совершенно точно знаем, что мы под ними подразумеваем. Этические вопросы обращены к «морали», к «нравственному», к тому, что с моральной точки зрения является «ценным», что считается «руководством» или «нормой» человеческого поступка, что от нас «требуется», или, наконец, если прибегнуть к самому древнему и простому слову, к «благу».

Как этика занимается этим предметом? На этот вопрос мы уже ответили: она его *познает*, и она не стремится и ни при каких условиях не может делать с ним что-либо еще. Поскольку она по своей сути является теорией и познанием, она не может создавать или полагать «моральное», претворять его в жизнь (неважно, идет ли речь о жизни только в понятии или в реальности). *Благодеяние* — не ее задача, неважно, идет ли речь о том, чтобы заботиться о его реализации в человеческих действиях, или же о том, чтобы определять или указывать,

что есть «хорошо». Она не создает ни понятия, ни объекты, которые под это понятие попадают, ни возможность соотносить его с этими объектами. Все это она обнаруживает, как и всякая другая наука, которая находит в опыте жизни материал для будущей обработки. Само собой разумеется, ни одна наука не может начаться иначе. Ошибочная формула (пущенная в оборот неокантианцами), будто предмет науки не «дан» ей, а лишь «задан», ни от кого не скроет, что каждый, кто хочет что-либо познать, для начала должен знать, *что*, собственно, он стремится узнать.

Где и как, в таком случае, этике дано «благо»?

Следует с самого начала ясно представлять, что здесь есть лишь *одна* возможность, та же, что и во всех прочих науках. Там, где мы встречаемся с предметом, который следует познать, должен обнаруживаться определенный признак (или группа признаков), характеризующий предмет как вещь или процесс, и особым образом отличающий его ото всех остальных. Иначе мы бы не имели никакой возможности и никакой причины называть его только его собственным именем. Каждое имя, используемое в языке для передачи сообщения, должно содержать информативное (*angeborene*) значение. Это вполне понятно, и относительно предмета любой другой науки здесь нет никаких сомнений. И только в этике об этом иногда забывают.

Рассмотрим другие примеры. Биология, наука о жизни, считает свою область ограниченной группой признаков (особое движение, регенерация, рост и т.д.), которые присущи всему живому. Уже повседневное наблюдение отчетливо показывает, что за исключением крайних случаев живое от мертвого может быть различено совершенно отчетливо и без всякого научного анализа. Только на этом основании понятие жизнь могло возникнуть на ранней ступени и получить свое особое название. Когда биолог по мере прогрессирующего развития познания разрабатывает новые, более точные определения жизни, чтобы лучше подвести процессы в живых существах под всеобщий закон, то это означает только уточнение, возможно, расширение понятия, которое включает и его первоначальное значение.

Аналогично и слово «свет» имело определенное значение до того, как возникло учение о свете, оптика, и именно это значение определило предмет оптики. Решающим признаком в этом случае было то непосредственное переживание, которое мы называем «зрительным ощущением». Иными словами, не поддающийся дальнейшему определению факт сознания, который известен только человеку, обладающему зрением. Наличие этого факта за исключением, опять-таки, крайних случаев указывает на наличие тех процессов, которые образуют предмет оптики. В этом изначальном факте ничего не меняется от того, что оптика в ее развитой современной форме является учением и о рентгеновских лучах, и о радиоволнах — постольку, поскольку их законы идентичны законам световых волн.

Если выражение «нравственно хороший» обладает нормальным смыслом, то, очевидно, этот смысл обнаруживается способом, аналогичным тому, каким обнаруживается смысл слов «жизнь» или «свет». Но некоторые философы в случае этики усматривают в этом вопросе большую трудность, причем *единственную* трудность — они полагают, что у этики есть одна проблема — отыскать дефиницию «блага».

3. О дефиниции блага

Такую позицию можно интерпретировать двояким способом. Во-первых, она могла бы означать, что задача исследователя этики исчерпывается точным описанием смысла, в котором фактически используется нравственное слово «хорошо», «bon», «good», «buono» и т.д. В таком случае речь шла бы только о том, чтобы с помощью строгой формулировки четко осознать уже хорошо известное значение (если бы оно не было известно, тогда мы бы не знали, что слово «bonum» переводится как «хорошо»). Действительно ли в этом состоит цель этики? Указание на значение слова в помощь определения (как верно заметил Мур в схожем контексте своей «Principia Ethica») — это удел языкознания. Но уверены ли мы в том, что этика является ветвью лингвистики? Скажем, ветвью, которая от нее отделилась, поскольку определение «хорошего» связано с особой трудностью, которая, кроме того, не свойственна больше *ни одному* слову? Неповторимый случай, когда целая наука нужна только для того, чтобы найти определение понятию! Да и кто вообще интересуется одними лишь определениями? Они являются только средством для достижения цели, они находятся в *начале* подлинного процесса познания; если бы этика заканчивалась определением, то она была бы не более чем первой ступенью науки, а философ интересовался бы только тем, что следует *за* ней. — Нет, действительные проблемы этики имеют, очевидно, совсем иную природу. Даже если бы задача этики состояла в ответе на вопрос, что такое «в собственном смысле» («eigentlich») благо, это следовало бы понимать не как требование определить понятие (так же, как в нашем примере целью оптики не является исключительно дефиниция «света»), а как задачу объяснения, познания блага, которое предполагает уже известным смысл этого понятия и сводит его к чему-то другому, включает во всеобщую взаимосвязь (точно так же обстоят дела в оптике со светом: она сообщает нам, что такое «в собственном смысле» свет, когда отводит хорошо известному феномену определенное место в области природных процессов, описывает его закономерность вплоть до мельчайших подробностей и обнаруживает, что она тождественна закономерности определенных электрических процессов).

Во-вторых, точка зрения, согласно которой цель этики состоит в правильном определении понятия блага, может быть понята таким образом, что здесь речь идет не только о формулировании содержа-

ния понятия, а о первоначальном наделении его этим содержанием. Но именно такое суждение с самого начала было уверенно отвергнуто нами как совершенно бессмысленное. Ведь это означало бы, что только исследователь этики впервые творит понятие блага, создает его, а до него существовало лишь слово «хорошо»; он должен был бы его преднамеренно изобретать, учреждать. (Действуй он не произвольно, определяя «блага», но опираясь на какие-то нормы, то в таком случае понятие блага было бы определено и дано благодаря этим нормам, и философу бы оставалось только найти для него формулировку. Таким образом, мы имели бы рассмотренный выше случай). Было бы полнейшим абсурдом требовать от этики произвольного установления значения слова. Это было бы совершенно пустяковым занятием. Так и пророк, создатель новой морали, никогда не творит нового понятия нравственности, а исходит из него. Он только утверждает, что под него попадают не те поступки, которые народ до этого считал моральными. Если прибегнуть к языку логики, то пророк настаивает на том, что понятие, имеющее признанное содержание, имеет объем, отличный от того, который ему до этого приписывался. Именно в этом состоит смысл поучения пророка: «Не то 'хорошо', что вы таковое считаете, а нечто совсем иное!»

Итак, мы убедились в том, что формулировку понятия нравственного никоим образом не следует считать конечной задачей этики; она должна усматривать в этом лишь подготовительный этап.

Конечно, она не должна пренебрегать этой подготовкой, отказываться от определения понятия, хотя, как уже было сказано, значение слова «хорошо» в каком-то смысле можно считать известным.

4. Поддается ли благо определению?

Очень опасно уклоняться от этой работы под тем предлогом, что смысл слова «хорошо» принадлежит к разряду совершенно простых, не поддающихся анализу, а поэтому его дефиниция, указание признаков совершенно невозможно. То, что здесь требуется, не обязательно должно быть определением в узком смысле слова; достаточно лишь указания, как нам достичь содержания понятия, указания того, что мы должны делать, чтобы получить наглядное представление о его содержании. Требуется «указание отличительного признака» («Kennzeichnung»). Строго говоря, невозможно определить, что обозначает слово «зеленый», Но мы все же в состоянии однозначно установить его смысл, говоря, например, что это цвет летнего луга, или указывая на листву дерева. Выше мы уже упоминали, что «зрительное ощущение», которое дает нам основополагающее понятие оптики, не поддается определению с помощью дефиниции. Однако мы знаем точно, что под этим подразумевается, поскольку можем указать условия, при которых получаем зрительное ощущение. Так же и в этике, даже если бы ее основное по-

нятие «не поддавалось дефиниции», достаточно было бы указать условия использования слова «хорошо». Значение любого слова должно поддаваться такому указанию, иначе оно не имело бы вообще никакого смысла. Кроме того, оно должно *легко* поддаваться указанию, для этого невозможно требовать глубокого философского анализа, так как речь идет о простом фактическом вопросе, только об описании условий, при которых фактически используется слово «хороший» (или его эквивалент в других языках, или же обозначение его противоположности «плохой»).

Конечно, для некоторых философов сложно даже непродолжительное время оставаться в области фактов, не обращаясь немедленно к теории их описания. Поэтому некоторые мыслители обращаются к теории, согласно которой основное понятие этики, по сути, дается тем же способом, что и основное понятие оптики (как это было изложено выше в § 3). Подобно тому, как мы обладаем особой способностью для восприятия «света», а именно зрением, так и особое нравственное чувство, «moral sense», должно показывать нам наличие добра и зла. Таким образом, добро и зло — это объективно наличествующие свойства, которые следует устанавливать и исследовать подобно физическим процессам, которые изучает оптика, считая их причинами зрительного ощущения.

Эта теория, разумеется, утверждается в качестве сугубо гипотетической, о моральном чувстве говорится условно: его орган нельзя продемонстрировать подобно человеческому глазу. Мало того, эта гипотеза является еще и ложной; ей не удастся внятно объяснить существование различий моральных суждений среди людей, поскольку для этого недостаточно добавить предположение, будто моральное чувство у некоторых развито плохо или полностью отсутствует.

Нет, отличительный признак предмета этики состоит не в том, что он одновременно является предметом особого рода восприятия. Его своеобразие должно обнаруживаться совершенно естественно, путем простого указания на известные факты. Это может происходить различными способами. Уже здесь, не забегая далеко вперед, следует выделить два таких способа. А именно, можно задать вопрос, во-первых, о более поверхностном, формальном и, во-вторых, о содержательном, материальном указании признака доброго и злого.

5. *Формальное указание признака добра*

Во-первых, формальным является тот признак, в который Кант вложил всю весомость своей моральной философии, красноречиво подчеркивая: благо всегда является необходимо требуемым (Gebotene), а зло — запрещенным (Verbotene). Хорошими являются те поступки, которые от нас требуются, которые мы обязаны совершать. Или, как это принято говорить, начиная с Канта: мы *должны* совершать хорошие поступ-

ки. Для требования и обязательства нужен тот, кто требует или обязывает. Но чтобы указание признака, связанного с формальным характером требования, приобрело однозначный характер, необходимо еще указать на этого творца нравственного закона.

Здесь мнения расходятся. В богословской этике таким творцом является Бог: согласно поверхностному истолкованию, добро потому является добром, что так угодно Богу. В таком случае формальный признак («быть заповедью Бога») выражал бы уже подлинную *сущность* добра. Согласно более глубокому толкованию, Богу угодно добро потому, что оно добро. В этом случае его собственная сущность должна была быть дана заранее, совершенно независимо от формального определения, в силу определенных материальных качеств. В философской этике, напротив, придерживаются того мнения, что законодателем является, например, человеческое общество (утилитаризм) или сам действующий субъект (эвдемонизм) или даже никто не является (категорический императив). Именно из последнего исходит учение Канта об «абсолютном долженствовании», т.е. о требовании без требующего. Одно из самых грубых заблуждения в этической мысли — вера в то, что понятие морально хорошего полностью исчерпывается указанием только формальных признаков и что все содержание этого понятия сводится к требуемому, к «долженствующему».

6. Материальное указание признака

Очевидно, напротив, что обнаружение формальных признаков нравственного есть лишь первая ступень определения содержания блага, т.е. указания *материальных* признаков. Зная, что благо это то, что требуется, мы справедливо задаем вопрос: А что, собственно, требуется? И чтобы ответить на этот вопрос, мы должны обратиться к творцу требования, к законодателю, и выяснить его волю и желание, ибо содержание его требования составляет желание того, чтобы нечто происходило. Когда я рекомендую кому-то определенный образ действий как «хороший», тем самым я говорю, что я его *желаю*.

Пока сам законодатель достоверно не познан, мы должны держаться фактически имеющихся законов, то есть формулировок моральных правил, которые мы обнаруживаем у людей. Мы должны установить, какие поступки (или убеждения, или что угодно) называются «хорошими» у различных народов, в разные эпохи, разными мыслителями или основоположниками религий. Только таким образом мы познакомимся с материальным содержанием этого понятия. На основании этого содержания, вероятно, можно будет затем сделать вывод о законодательном авторитете — в том случае, если иным способом установить это невозможно.

Собирая частные случаи обозначения чего-то в качестве нравственно хорошего, нужно отыскивать сходства, согласующиеся по своему со-

держанию особенности всех этих примеров. Эти согласующиеся особенности являются признаками понятия «хорошо», они образуют его содержание, и в них должно быть основание для того, чтобы использовать одно и то же слово «хорошо».

Конечно, скоро мы столкнемся со случаями, не имеющими между собой ничего общего, обнаруживающими полную несовместимость: одна и та же вещь, например полигамия, одобряется в одной культурной области, но считается преступлением в другой. В этом случае возможны две трактовки: во-первых, может статься, что фактически существует несколько различных, никаким образом друг к другу несводимых понятий «хорошего» (которые согласуются лишь по формальному признаку, будучи чем-то «требуемым»). Тогда существует не *одна* мораль, а несколько. Или, во-вторых, возможно, что расхождение моральных оценок мнимо и не окончательно, а нравственно одобряется всегда одна и та же конечная цель. В таком случае, расхождения во мнениях распространяются на вопрос о тех путях, которые ведут к этой цели, о требуемых для этого образах действия. (Поясним на примере полигамии: полигамия и моногамия не будут, в таком случае, иметь нравственной ценности сами по себе; подлинным предметом одобрения, возможно, является мир семейной жизни или свободный уклад сексуальных отношений; один полагает, что эта цель достижима лишь через моногамный брак и поэтому считает его нравственно правильным, другой думает то же самое о полигамии. Возможно, один прав, а другой заблуждается, но они отличаются не своими конечными оценками, а своим пониманием, способностью суждения или опытом.)

Обладает ли человечество действительно множеством моралей, непримиримых между собой, или являются ли различия в нравственном мире в основе своей лишь мнимыми, тогда как под разнообразными облачениями и масками нравственности философ обнаруживает, в конце концов, один и тот же облик *одного* блага, — независимо от решения этих вопросов существует, в любом случае, широкая область, в которой моральные оценки могут быть установлены единодушно и надежно. Тот образ действий, который мы объединяем именами «надежность», «отзывчивость», «уживчивость», в любой известной нам культуре единодушно оцениваются как «хорошие», тогда как, например, грабеж и убийство, задиристость единодушно считаются «злыми». Таким образом, здесь практически однозначно можно ответить на вопрос об общих признаках. Если подобные признаки найдутся для широкого круга поступков, то можно обратиться к «исключениям» и несообразностям, т.е. к тем случаям, в которых один и тот же образ действий в различные эпохи или у различных народов получает совершенно разную нравственную оценку. Тогда обнаруживается, что либо и здесь также нет никакого другого основания для оценки, кроме как несомненного примера, но только отдаленного, скрытого, применимого к меняющимся отношениям, либо следует зарегистрировать факт нового или неод-

нозначного смысла слова «хорошо». Наконец, известны случаи, когда отдельные индивиды придерживаются касательно хорошего и плохого такого мнения, которое полностью отличается от распространенного в их среде и в их эпоху. В таких случаях точно так же важно понять содержание и основание их мнений, если речь идет о выдающихся личностях, которые будучи пророками, основоположниками моральных учений, творческими людьми в сфере нравственности, выявляют скрытые течения или своими оценками накладывают отпечаток на все человечество и последующие века.

7. *Нравственные нормы и принципы морали*

Общие признаки, которые отличают группу «хороших» поступков или убеждений, можно объединить одним *правилом*: чтобы называться «хорошим» (или «плохим»), поведение должно быть таким-то. Это правило можно назвать «*нормой*». Однако я уже сейчас обращаю внимание на то, что такая «норма» есть исключительно простое воспроизведение *факта* действительности, она только указывает обстоятельства, при которых действие или образ мыслей, или характер фактически называется «хорошим», т.е. оценивается с нравственной точки зрения. Установка норм состоит исключительно в определении понятия блага, к познанию которого приступает этика.

Такое определение было бы успешным в том случае, если бы неустанно разыскивались новые группы действий, признающихся хорошими, и применительно к каждой из них выявлялось бы правило или норма, которой соответствуют все отдельные действий этой группы. Различные полученные таким образом нормы следовало бы сравнить между собой, распределяя их снова по классам так, чтобы отдельные нормы каждого класса имели бы между собой нечто общее, чтобы все они подчинялись одной более высокой, т.е. более общей норме. Эти высшие нормы обыгрываются таким же образом — и так продолжается до тех пор, пока, мы, если повезет, не достигнем, наконец, одного наивысшего, самого общего правила. Оно охватывало бы все остальные как частные случаи и могло бы непосредственно применяться к каждому частному случаю человеческого поведения. Такая наивысшая норма была бы дефиницией «Блага» и выражала бы его всеобщую сущность. Мы достигли бы того, что исследователь этики называет «*принципом морали*».

Конечно, заранее невозможно узнать, придем ли мы в действительности к одному-единственному моральному принципу. Вполне возможно, что наивысший ряд правил, к которому ведет описанный путь, просто не имеет между собой ничего общего. В таком случае следовало бы остановиться на нескольких нормах, считая их самыми высшими, поскольку, несмотря на все усилия, невозможно найти еще более высокую норму, к которой можно редуцировать все прочие. Тогда существовало

бы несколько независимых друг от друга значений слова «нравственно хороший», несколько независимых друг от друга моральных принципов, которые определяли бы понятие нравственного лишь в своей совокупности. Или же можно было бы говорить о нескольких понятиях нравственного, зависящих от народа и эпохи. Примечательно, что философы морали по большей части пренебрегают этой возможностью. Почти все они с самого начала обращались к *единственному* принципу морали. Иначе обстоят дела с практическими системами морали, которые обычно не стремятся к установлению одного всеобъемлющего принципа. Так, катехизис останавливается на *десяти* заповедях.

Для тех, кто полагает, что единственная задача этики состоит в определении понятия блага, то есть в разработке одного (или нескольких) моральных принципов, тема этики исчерпывалась бы прохождением описанного пути. Она была бы чистой «наукой о нормах», поскольку ее цель лежала бы в разыскании иерархии норм или правил, которая венчала бы одна или несколько вершин — моральные принципы. Низшие ступени этой иерархии всегда получали бы свое объяснение или «обоснование» посредством более высоких. На вопрос: «Почему этот поступок в данном случае является нравственным?» — может быть дан объясняющий ответ: «Потому что он подпадает под это определенное правило». А когда после этого спрашивается: «Почему тогда все поступки, подчиняющиеся этому правилу, моральны?», — следует обоснование: «Поскольку они все попадают под следующее по рангу правило». На этом пути лишь в случае самой высокой нормы — морального принципа или моральных принципов — было бы невозможно познание основания значимости или его оправдание. Для того, кто считает этику исключительно нормативной наукой (Normwissenschaft), она на этом заканчивается.

8. *Этика как «нормативная наука»*

Мы теперь вполне точно знаем, какое значение может иметь словосочетание «нормативная наука» и в каком смысле этика в состоянии «оправдать» действие или суждение о нем. В новейшей философии со времен Канта постоянно встречается утверждение, будто этика как нормативная наука является чем-то совершенно отличным от «наук о фактах». Она не спрашивает: «Когда характер считается хорошим?», — или: «Почему он называется ‘хорошим’?» Такие вопросы адресованы одним только фактам и их объяснению. Этика же спрашивает: «*По какому праву* этот характер считается хорошим?» Она в принципе заботится не о том, что фактически одобряется, а ставит вопрос: «Что достойно одобрения?» И здесь, очевидно, постановка вопроса является совершенно иной.

Но *такой* способ противопоставления нормативной науки и науки о фактах в корне неверен. Ибо если этика занимается оправданием,

то она делает это лишь в только что разъясненном смысле, а именно, лишь относительно-гипотетически, а не абсолютно. Она «оправдывает» определенное суждение, показывая, что оно соответствует известной норме. Она не может ни показать, ни обосновать, что сама это норма «правильна» или оправдана, но уже в готовой форме находит ее признание как *факт* человеческой природы. Нормативная наука в качестве науки также может лишь *познавать*, она никогда не сможет сама устанавливать и творить норму (а только это соответствовало бы абсолютному «оправданию»). Напротив, она в состоянии только отыскивать, открывать правила вынесения суждения, считывать их с имеющихся фактов и распознавать. Источник норм находится всегда вне и до науки и познания. То есть, их источник может быть только познан наукой, но не заключаться в ней самой. Другими словами, когда и поскольку исследователь этики отвечает на вопрос «Что есть хорошо?» путем предъявления норм, он говорит нам, что *фактически* означает слово «хорошо», но никогда не может сказать, что *должно* или *следует* называть хорошим. Вопрос о *праве* оценки имеет лишь тот смысл, что спрашивается о более высокой признанной норме, под которую попадает эта ценность, а это *фактический* вопрос. Но вопрос об оправдании высших норм или высших ценностей лишен смысла, поскольку нет ничего более высокого, к чему они могут быть сведены. Поскольку этика Нового времени, как уже было замечено, возводит именно такое абсолютное оправдание в ранг фундаментальной проблемы, то следует, к сожалению, констатировать, что уже эта исходная постановка вопроса просто-напросто бессмысленна.

Поясним на одном примере абсурдность такой постановки вопроса. Джон Стюарт Милль часто по праву критикуется, поскольку из того, что вещь желаема (*gewünscht*), он делает вывод, что она желательна (*wünschenswert*) — причем возможный двойной смысл слова «desirable» («желаемый» наряду с «желательным») вводит его в заблуждение. Но неправы и его критики, поскольку они исходят из того же ложного предположения, что и он (не сформулированного ясно ни одной из сторон). А именно, они допускают, что выражение «само по себе желательно» как таковое уже имеет некий определенный смысл (выражение «само по себе» я понимаю здесь как «ради него самого», то есть не просто как средство для достижения цели). Но в действительности такой смысл невозможно указать. Когда я говорю о какой-либо вещи, что она желательна, и при этом подразумеваю, что ее следует желать в качестве средства для достижения определенной цели, это вполне понятно. Но когда я утверждаю, что вещь желательна безусловно, сама по себе, то в таком случае оказывается, что я не могу сказать, что я *подразумеваю* под этим утверждением; оно не верифицируемо и поэтому бессмысленно. Следовательно, вещь может быть желательной лишь по отношению к другой вещи, а не сама по себе. Милль считал, что может вывести желательное само по себе из фактически желаемого; его противни-

ки утверждали, что оба понятия не имеют между собой ничего общего. Но по сути никто из них не знал, о чем шла речь, поскольку они не потрудились придать слову «желательный» абсолютное значение. Вопрос, является ли нечто желательным ради него самого, — это вообще не вопрос, а пустословие. Вопрос же о том, что мы фактически желаем ради него самого, вполне осмысленный, и для этики важно суждение только по поводу этого вопроса. Там, где Милля осуждают, он ставит именно этот честный вопрос, освободившись тем самым от бессмысленного вопрошания. Правда, это ему удалось, скорее, благодаря здравому инстинкту, а не ложному аргументу, в то время как его противники остались при своем, продолжая поиски абсолютного оправдания того, что желается.

9. *Этика как наука о фактах*

Что считается предельными нормами или наивысшими ценностями, должно основываться на фактах человеческой природы и жизни. Следовательно, результаты этического поиска никогда не могут противоречить жизни, не могут объявлять ценности, лежащие в основе жизни, плохими и ложными, а найденные нормы не могут по-настоящему противоречить тому, что, в конце концов, требуется или предписывается жизнью. Если встречается нечто подобное, это верный знак того, что исследователь этики неправильно понял свою задачу и, следовательно, не решил ее; он внезапно стал моралистом, не вполне осознает себя в роли познающего и хотел бы стать творцом моральных ценностей. Заповеди и требования личностей, выступающих как творцы в области нравственности, являются лишь объектами для исследователя этики, лишь предметом познающего наблюдения. Это верно и в том случае, если он — в другое время — становится таким творцом.

Мы только что сказали, между смыслом слова «хорошо», устанавливаемым философом, и тем смыслом, который на самом деле значим в жизни, не может быть никакого противоречия. *Кажущееся* напряжение естественно может возникать, поскольку язык и мышление в повседневной жизни очень несовершенны. Зачастую говорящий и оценивающий сам не имеет ясности относительно того, что он на самом деле выражает, а его оценки нередко основываются на ложной интерпретации фактов. Если ошибка будет исправлена, то оценка тут же изменится. Эти заблуждения и неправильные способы выражения следовало бы раскрыть исследователю этики, тем самым открывая путь к познанию истинной нормы, лежащей в основе моральных суждений, и противопоставляя ее мнимой норме, которой, как ему кажется, придерживается действующий и оценивающий субъект. Возможно, при этом ему пришлось бы погрузиться в потаенные глубины человеческой души. Но он всегда обнаружил бы там действительную, уже лежащую в основе норму.

Предельные оценки являются, таким образом, действительно наличествующими фактами человеческого сознания, и даже если бы этика была наукой о нормах, она не перестала бы быть наукой о *фактах*. Этика имеет дело только с *действительным*: именно это наиважнейшее положение, на мой взгляд, определяет ее задачу. Нам чужда гордость тех философов, которые считают вопросы этики самым благородными и возвышенными как раз потому, что они-де относятся не к обычной действительности, а к чистому «долженствованию» («Seinsollende»).

Конечно, получив в свое распоряжение такую систему норм, то есть систему случаев применения понятий «хороший» или «плохой», можно рассматривать взаимосвязь частных звеньев этой иерархии, субординацию отдельных правил, совершенно независимо от их отношения к действительности, то есть исследовать исключительно внутреннюю структуру системы. Но такой подход, разумеется, правомерен только в том случае, если нормы не считаются действительно значимыми, но, например, ошибочно считаются таковыми или даже полностью выдуманы и произвольно установлены. Такого рода казусы, разумеется, не представляли бы серьезного интереса, во всяком случае, никоим образом не притязая на то, чтобы называться «этикой». Однако этика как наука о нормах могла бы предложить иерархический порядок правил, в котором всем действиям, убеждениям или свойствам характера отводилось бы вполне определенное место с точки зрения их моральной ценности. Причем не только действительным, но и возможным, поскольку если такая система была бы на что-то годной, в ней должно быть отведено место для любой возможности человеческого поведения. *После того*, как мы уже познаем высшие нормы, можно рассматривать всю систему в целом, полностью отвлекаясь от действительного поведения и принимая во внимание только возможное. Так, Кант подчеркивал, что для его моральной философии совершенно безразлично существование какого-либо нравственного воления. Этика, рассматриваемая как учение о нормах, носила бы характер «идеальной науки»: она имела бы дело с системой идеальных правил, которые хотя и применяются к действительному и только благодаря этому вызывают интерес, но которые все же имеют смысл, совершенно независимый от этого применения и могут быть изучены на предмет их отношения друг к другу. Таким же образом, например, кто-то может придумать шахматные правила и, используя их, размышлять над отдельными партиями, хотя ни одна из них не была бы сыграна в действительности, кроме как в его голове между воображаемыми противниками.

10. Этика стремится объяснять причины

Оглянемся назад! Мы исходили из того, что задача этики — «познавать морально хорошее», и сначала задавались вопросом, что же такое это «хорошее», которое мы должны познать. Мы выяснили, что предмет

этики дается нам не простым способом как, например, объект оптики, свет, с помощью одних только чувственных ощущений, но для его установления требуется раскрытие «морального принципа» или целой системы принципов или правил. Если мы назовем дисциплину, которая этим занимается, «нормативной наукой», то увидим, что это нормативное учение заключается исключительно в раскрытии значения понятия «хорошо». Этим оно исчерпывается. Здесь и речи быть не может о подлинном *познании* добра. Это учение лишь доставляет этике предмет, который необходимо познать. Поэтому мы с самого начала отбросили мнения тех философов, которые считают этику чистой нормативной наукой. Напротив, этическое познание только начинается там, где заканчивается нормативное учение. Нормативное учение либо вообще не замечает великих и острых вопросов этики, либо — что еще хуже — отбрасывает их как несущественные. В действительности и по существу оно не выходит за пределы лингвистического результата, состоящего в установлении значения слов «хороший» и «плохой» — если только оно не впадает в заблуждение.

Есть, правда, еще один вид псевдопознания — тот, который мы назвали оправданием. Познание всегда состоит в сведении того, что следует познать, к чему-то иному, всеобщему, и нормы, на самом деле, таким же образом сводятся друг к другу — вплоть до последних и наивысших. Эти последние моральные принципы (или *один* моральный принцип) по определению невозможно далее сводить к другим этическим *нормам*, они не поддаются дальнейшему моральному оправданию.

Но это не означает, будто любое последующее сведение невозможно. Может случиться, что *нравственно* хорошее окажется особым случаем всеобщего вида добра. Слово «хорошо» фактически используется и за пределами морали (говорят не только о хорошем человеке, но и о хорошем наезднике, хорошем математике, о хорошей рыбной ловле, хорошей машине и т.д.), и поэтому заранее нельзя исключить того, что этическое и внеэтическое значения этого слова каким-то образом связаны между собой. Если моральное можно подвести таким образом под одно широкое понятие добра, то на вопрос: «Почему нравственное поведение вообще хорошее?» — можно будет дать ответ: «Потому что оно хорошо в более всеобщем смысле слова!» Наивысшая нравственная норма в таком случае была бы оправдана при помощи нормы, лежащей за пределами нравственного, моральный принцип был бы сведен к более высокому принципу жизни.

Не исключено, что такое сведение могло бы продвигаться еще на несколько уровней, но последняя норма, высший принцип, никоим образом не может быть оправдан, поскольку именно он является последним. Было бы бессмысленно, спрашивать о дальнейшем оправдании, о дальнейшем объяснении. Нуждаются в объяснении и могут быть объяснены не сами нормы, принципы, ценности, а, напротив, только действительные факты, из которых они абстрагируются. Эти факты являются акта-

ми установления правил, одобрения, оценивания, осуществляющимися в сознании, т.е. это реальные процессы душевной жизни. «Ценность», «добро» — это лишь абстракции, но оценивание, усмотрение суть действительные психические события, а отдельные акты такого рода вполне могут быть познаны, т.е. сведены друг к другу.

Именно в этом заключается подлинная задача этики. Здесь обнаруживаются примечательные факты, пробуждающие философское удивление. Именно их прояснение (*Aufklärung*) составляет окончательный смысл этического исследования. То, что человек одобряет лишь определенные поступки, лишь определенные убеждения считает «хорошими», кажется философу не само собой разумеющимся, а зачастую удивительным, и он задает свой вопрос «Почему?». В любой реальной науке любое объяснение может пониматься как *причинное объяснение* (это положение здесь не может быть обосновано более развернуто); каждое «почему» имеет, следовательно, смысл вопроса о *причине* того психического процесса, посредством которого человек осуществляет нравственное оценивание, устанавливает нравственные требования (причем здесь также следует обратить внимание на то, что когда говорят об обнаружении «причины» используют всего-навсего популярное сокращение, обозначающее установление закономерности познаваемого процесса).

Другими словами: *установление* содержания понятий «хорошо» и «плохо» происходит благодаря моральному принципу и системе норм, что позволяет дать относительное оправдание подчиненных моральных правил с помощью более высоких; *познание* добра, напротив, обращается не к норме, а к причине, не к оправданию, а к объяснению акта нравственной оценки. Нормативное учение задает вопрос: «*Что фактически является руководящим принципом поступка?*». А исследователь этики, занятый познанием, спрашивает: «*Почему* он является руководящим принципом поступка?»

11. *Формулировка основного вопроса*

Ясно, что поиск ответа на первый вопрос представляет собой в сущности сухое, формальное занятие, которое едва ли представляло интерес, если бы оно не имело такого большого значения для практики, а также если бы путь к его ответу не давал возможность бросить взгляд в глубины человеческого сердца. Однако второй вопрос ведет непосредственно в эти глубины. Он исходит из реального основания, из действительных причин и мотивов, которые приводят душу к различию добра и зла и побуждают к такого рода особым оценкам. Но не только к оценкам, но и к *поступкам*. Последние следуют из предыдущих. Объяснение акта оценки не может отделяться от объяснения поступка. Нельзя, конечно, полностью поверить в то, что каждый человек совершает свои поступки сообразно своей собственной моральной оценке — такое допу-

щение было бы даже ложным. Взаимосвязь между ними является более сложной, но она существует. Лишь на основании деяния человека можно, в конечном счете, выяснить, что он ценит, одобряет и к чему стремится. Высказывания для этого не лучший советчик, хотя они также являются своего рода действиями. Какие требования человек ставит перед собой и другими, можно узнать лишь из его поведения. Среди мотивов его действий должны каким-то образом присутствовать его оценки, но их значение в любом случае может быть раскрыто только благодаря поступкам. Кто глубоко прослеживает причины действий, должен при этом столкнуться и с причиной одобрения. Вопрос о причинах поступков, следовательно, является более общим, нежели вопрос об основаниях оценки. Ответ на него, следовательно, давал бы более всеобъемлющее знание. Он имеет преимущество и с методологической точки зрения, коль скоро мы не считаем, что только действия могут быть доступны наблюдению.

На этих основаниях мы можем и должны вместо поставленного выше основного вопроса: «Какие мотивы побуждают нас к установлению моральных норм?» — сразу же задать другой вопрос: «Каковы вообще мотивы наших поступков?» (Мы ставим вопрос именно в такой всеобщей форме и не ограничиваем его сразу *моральными* поступками, поскольку, исходя из вышесказанного, оценки и их мотивы могут быть равным образом а, возможно, даже лучше открыты, исходя из безнравственного или нейтрального поведения). Мы тем более вправе сразу обратить наш вопрос к *поступкам*, поскольку человек интересуется оценками лишь тогда, когда от них зависит действие. Если бы моральное одобрение осталось бы чем-то скрытым глубоко в душе, никогда не обнаруживаясь и не оказывая ни малейшего влияния на жизнь, счастье и несчастье людей, оно никого не интересовало бы. Философ знал бы об этом лишенном всякого значения феномене лишь посредством акта созерцания, обращенного вглубь самого себя. Удивление перед моральными оценками человека, которое мы только что называли первым побуждением к этическому вопрошанию, является, прежде всего, удивлением перед его действительными моральными поступками.

Итак, мы спрашиваем о причинах, т.е. о закономерности *всего* человеческого поведения с той целью, чтобы путем специализации извлечь отсюда мотивы *морального* поведения. При этом мы имеем то преимущество, что вопрос о сущности нравственного, т.е. о моральном принципе, мы можем отложить до тех пор, пока не будет решена проблема закономерности поведения в целом. Но когда нам будет известен ответ на вопрос о поведении вообще, нам будет гораздо легче заметить специфику морального поведения, и мы сможем без затруднений определить содержание понятия «хорошо». Не исключено, однако, что мы больше не будем чувствовать потребность в установлении такого рода четких границ (подобно тому, как объяснение света в физике лишило

всякого интереса вопрос о том, можно ли и каким образом можно отграничить понятие света от теплового излучения или ультрафиолетовых лучей).

12. Метод этики является психологическим

Итак, центральная проблема этики состоит исключительно в причинном объяснении морального поведения; все остальные задачи опускаются до уровня предварительного или второстепенного вопроса. Яснее всего проблема морали в этой форме была поставлена Шопенгауэром, чье здоровое чувство реальности направило его по правильному пути (хотя он и не достиг решения этой проблемы), позволив избежать той постановки вопроса, которую мы встречаем у Канта и в посткантовской философии ценностей.

Проблема, которую мы должны поставить в центр этики, является чисто психологическим вопросом. Ибо несомненно, что раскрытие мотива или закономерности чьего-либо поведения, включая моральное поведение, является чисто психологическим вопросом. Только эмпирическая наука о законах душевной жизни, и никакая другая, может решить эту задачу. На основе этого относительно нашей постановки проблемы было выдвинуто возражение, считающееся глубоким и разгромным. А именно, указывали на то, что в таком случае не было бы никакой этики, а то, что называлось бы этикой, представляло собой всего-навсего часть психологии! Я отвечаю: Почему этика *не должна* быть частью психологии? Может быть, чтобы исследователь этики имел свою собственную науку и самостоятельно распоряжался в ее области? Благодаря этому он, возможно, освободился бы от некоторых назойливых возражений психологии. Когда он формулирует требование: «Человек должен поступать именно *так!*», ему не нужно было бы считаться с психологом, возражающим: «Но человек *не может* так поступать, поскольку это противоречит закону душевной жизни!» Я очень опасаюсь, что здесь действует именно этот скрытый мотив. Но этот вопрос имеет уже чисто терминологический характер, когда искренне говорят: «Никакой этики нет», — постольку, поскольку нет необходимости называть особым образом один из разделов психологии.

Частые попытки проведения строгих разграничительных линий между науками, отгораживание все новых дисциплин и доказательство их автономии — все это далеко не с лучшей стороны характеризует философский дух нашего времени. Настоящий философ идет как раз в противоположном направлении: он не стремится превратить отдельные науки в самостоятельные и независимые друг от друга дисциплины, а наоборот — объединить и сплавить их. Он стремится отыскать то существенное, что является общим для всех этих наук, а в том, что их различает, увидеть нечто случайное, относящееся к области практической

методике. *Sub specie aeterni* для него существует только *одна* действительность и только *одна* наука.

Если нам, таким образом, удастся установить, что на фундаментальный вопрос этики «Почему человек поступает морально?» можно дать ответ, следуя только психологическим путем, то в этом подчинении этики психологии мы не будем видеть никакого умаления и ущерба для науки, а, напротив, отрадное упрощение миропонимания. В этике речь идет не о независимости, а об одной только истине.